

Другая темная сторона: Цзы Мо неожиданно расправился с этой горсткой стариков и передал людям ожидавшему в стороне Цин Суну и остальным.

Тех людей арестовали по обвинению в неповиновении приказу главы клана, самовольном проникновении в темницу и попытке навредить Бай Цзиню.

На самом деле всё это было по задумке Бай Чунъина — без его статуса главы клана проверить такое было бы вряд ли возможно.

После этого Цзы Мо ушел в огромной спешке, и скорость эта оставила Бай Цзиня в полном ошарашивании и немом восхищении.

Подумать только, любовь — поистине удивительная штука: она способна согреть, но может и свести с ума.

Бай Цзинь шагом вышел из темницы, разминая затекшие суставы, а Цин Сун, наблюдавший со стороны за его странными движениями, смотрел на него с выражением полного бесчувствия на лице.

Он приказал подчиненным увести заключенных и приблизился к Бай Цзиню.

Ему посчастливилось стать личным учеником главы клана, и теперь его положение в клане отличалось от прежних дней.

Бай Цзинь закончил выполнять комплекс общеукрепляющей гимнастики, прошло уже пол-установленного времени, а он всё еще восстанавливал дыхание, как вдруг кто-то ухватил его за руку.

Цин Сун собрался расстегнуть на нем одежду, чтобы проверить, не получил ли тот каких-нибудь ранений. Четыре слова «тревога рождается от заботы» проявились в его поведении ярче некуда.

Да только стоило взглянуть на Бай Цзиня: он закончил зарядку и выглядел совершенно нормально, с чего бы ему быть раненым?

Тот поспешно заблокировал его движение одной рукой, а другой прикрыл свою одежду, говоря, что цел и невредим. Цин Сун не верил, что у того хватит способностей выйти целым и невредимым из окружения нескольких старейшин.

Похоже, он не знал истинного происхождения Бай Цзиня, ведь ранее, когда Цзы Мо сошелся в бою с неприятелем, он по приказу Бай Чунъина ждал с людьми у входа в темницу, выжидая удобного момента, чтобы войти и схватить преступников.

Цин Сун оттолкнул его руку, с недоверчивым лицом продолжая попытки распахнуть одежду.

Вот только на беду, это движение выглядело точь-в-точь как домогательства и надругательство.

В следующую секунду лицо Бай Цзиня резко изменилось, хватка его ослабла, и Цин Сун полетел кубарем! Ударившись о стену, он рухнул вниз.

От боли внутренности словно сместились со своих мест, изо рта хлынула полная горсть крови, и он благополучно потерял сознание.

Бай Цзинь: «...» Натворил же я дел.

Тело погрузилось в холодные и крепкие объятия, кончик носа уловило присущее этому человеку прохладное дыхание, и Янь Фэн произнес у самого его уха низким голосом: — Я нашел тебя.

Бай Цзинь обнял его в ответ и со вздохом произнес: — Я так по тебе скучал. — Скучал, гадая, придешь ли ты, согласишься ли на условия Бай Чуньина.

Не ожидая, что юноша произнесет такое, Янь Фэн почувствовал, как сердце яростно кольнуло, а затем наполнилось до краёв приторной сладостью, отражая радость своего хозяина.

Мужчина постепенно сжал объятия сильнее, подержал его так еще немного и отпустил.

— Испугался?

Бай Цзинь фыркнул: — Нет.

Янь Фэн поцеловал его в губы и тихо проговорил: — Больше смеешь бедокурить?

У Бай Цзиня защипало в носу, и он подумал про себя, что никакого «больше» не будет.

— Больше не смею, я виноват.

Янь Фэн уловил серьезность в голосе юноши, взглянул на его покрасневшие глаза, снова крепко прижал к себе и вздохнул: — Ты вечно так, не признаешь своих ошибок, и что мне с тобой поделать.

Бай Цзинь позволил ему обнимать себя и молчал, но в мыслях яростно теребил Систему, вопрошая: — Система, ты видишь, Янь Фэн даже пришел, похоже, Бай Чуньин всё сделал гладко, почему ты до сих пор не подаешь звуковой сигнал о выполнении задания?

Спустя несколько секунд Система неторопливо отозвалась: — Задание, должно быть, выполнено, а отсутствие уведомления связано с возможной задержкой.

— Чего? То есть хочешь сказать, что мне пока не придется уходить через два дня?

— Угу.

Система снова внезапно оборвала связь, а Бай Цзинь, погруженный в радость от того, что сможет задержаться подольше, перестал её донимать.

Бросив взгляд краем глаза на лежащего на земле Цин Суна, Бай Цзинь почувствовал, как у него дернулся лоб. Он оттолкнул мужчину и возмущенно произнес: — Точно, какого черта ты только что набросился на человека и ранил его? Не мог нормально поговорить, что ли?! Ты хоть знаешь, какая у тебя силища, если бы ты случайно ухлопал его, кого бы ты мне взамен отдал?

— Я видел, как он... распускает руки, а ты был против, — произнес Янь Фэн, вовремя проглотив вертевшееся на кончике языка слово «надругательство».

Тогда он увидел, как Бай Цзинь отбивается, а этот человек пытается снять с него одежды — та картина резала глаза и вызвала такую ярость, что он невольно предавался дурным мыслям.

Не зная истинных мыслей Янь Фэна, Бай Цзинь бесстрастно произнес: — Его зовут Цин Сун, это тот самый друг детства, о котором я говорил. Какие распускания рук, он просто хотел проверить, не ранен ли я.

— Мм.

Мужчина опустил голову, приблизился к уху Бай Цзиня и, нежно потираясь щекой о его щеку, зачаровал его неотразимым для юноши голосом: — Хочешь, я сам тебя осматрю, хм?

С кончиком голоса, взлетевшим вверх на конце фразы, Бай Цзинь невольно вздрогнул, всё его тело истомилось от сладостной дрожи, и он мысленно признал, что этот голос просто смерти подобен для того, кто падок на интонации.

В этот момент мужчина уже протянул руку к его поясу.

Тот сообразил что к чему, и у него тут же покраснели уши.

Бай Цзинь: С-сущий развратник!

Разумеется, в конце концов Бай Цзинь яростно вырвался из демонических лап, избежав опасности устроить ролевые игры прямо в темнице.

Но после, когда Янь Фэн принес его обратно в Ваньюаньдянь, Бай Цзиню всё же не удалось избежать участи быть изнасилованным: мужчина увлек его за собой и занимался этим целые сутки напролет. Ах да, в одной и той же позе...

После случившегося Бай Цзинь, лежавший трупом на кровати, внутренне обливался слезами, в то время как Система демонстрировала бесстрастное лицо.

Спустя полмесяца от Бай Чуньина пришли вести: дело родителей Янь Фэна было пересмотрено и оправдано, а дело Цзы Мо закрыли из-за кончины подозреваемого, так что пересмотру оно не подлежало.

Цзы Мо дал понять, что ему всё равно — он уже получил то, к чему стремился.

Вечером Янь Фэн вернулся в комнату. В его обычно холодных бровях и глазах теперь бурлила радость, и он, обнимая Бай Цзиня, без умолку болтал о всякой всячине. Бай Цзинь никогда прежде не слышал от него столько слов, из чего было очевидно, что мужчина действительно счастлив.

Он и сам искренне радовался за него.

В этот момент наконец раздался долгожданный звуковой сигнал Системы:

— Поздравляем хозяина с выполнением задания по спасению всего Клана Змей! Обратный отсчет до покидания этого мира начался, он продлится 48 часов. Надеемся, что хозяин продолжит в том же духе!

Однако этот легкомысленный и праздничный тон заставил Бай Цзиня почувствовать себя так, будто он рухнул на самое дно пропасти, а по всему телу пробежал леденящий холодок.

— Что случилось?

Заметив оцепенение в объятиях, Янь Фэн согнал с лица улыбку и встревоженно спросил:

Бай Цзинь покачал головой и крепче прижался к нему.

Янь Фэн смутно почувствовал неладное.

Он не успел расспросить его, как его губы накрыла мягкость юноши.

— Сделай это.

Юноша нежно целовал его, развязывая пояс и сбрасывая одежды.

Когда взгляд упал на слегка покрасневшую грудь юноши, зрачки мужчины резко сузились, а дыхание стало тяжелым.

В постели юноша всегда был застенчив и пассивен, инициатива неизменно оставалась в руках

мужчины, и каждый раз именно он захватывал позиции и предавался бесконечным ласкам.

Пока не доводил человека до обморока, пока тот не начинал сквозь слезы молить о пощаде, и лишь тогда останавливался.

Мужчина никогда не видел, чтобы юноша сам обвивался руками вокруг его шеи, целовал его или, можно сказать... соблазнял.

Несмотря на манящую красоту пред ним, чувство тревоги у Янь Фэна лишь усилилось.

Дело его родителей было пересмотрено, враги погибли один за другим, великая месть свершилась, а любимый человек вернулся к нему — он никак не мог понять, откуда берется это предчувствие беды.

В этот момент юноша потянулся, чтобы развязать его пояс. Мужчина позволил ему это сделать и глухо рассмеялся:

— Так спешишь?

— Угу, — тихо ответил юноша.

Потерев покрасневшую мочку уха юноши, мужчина быстро скинул одежду, и они предстали друг перед другом совершенно обнаженными.

Огромный орган между ног уже пробудился и был готов ринуться в бой.

Он прижал юношу к постели и принялся захватывать его крепости, подчиняя себе всё без остатка.

В разгар страсти юноша снова и снова выкрикивал его имя, плакал, но на этот раз не просил о пощаде.

Это проявление слабости несомненно повлекло за собой еще более яростный натиск.

Заставляя их обоих преследовать друг друга в пучине безграничного блаженства и погружаться в нее с головой.

Ближе к рассвету они наконец остановились.

— Янь Фэн, ты мне нравишься, правда... и я люблю тебя.

С дорожками слез на уголках глаз юноша погрузился в глубокий сон, едва слышно бормоча себе под нос.

Янь Фэн тоже услышал это, не пропустив мимо ушей слова признания. Это был первый раз, когда юноша сказал ему, что он ему нравится...

И что любит.

Вот только он еще не знал, что для юноши это признание станет одновременно первым и последним.

Его сердце переполнилось безграничной радостью. С нежностью поцеловав любимого в лоб и приведя их в порядок, он накрыл его парчовым одеялом, и они уснули в обнимку.

В течение всего следующего дня поведение юноши было весьма странным: его взгляд неотступно следовал за Янь Фэном, словно прилипнув к нему. Хотя мужчина и наслаждался такими взглядами, он всё же замечал неизбывную печаль, затаившуюся в уголках глаз и бровей юноши.

Он спрашивал у юноши об этом, но тот лишь хихикал и отмахивался: с чего бы ему хандрить?

Однако в следующий миг юноша порой смотрел в его сторону, и при ближайшем рассмотрении взгляд его оказывался пустым и расфокусированным.

Иногда же он уставился на него, не моргая ни единого раза: от лба до подъема стопы, от корней волос до кончиков прядей — не упуская ни единого дюйма, словно стремясь впечатать его облик глубоко-глубоко в свою память.

Он мог внезапно заявить: «Смотри у меня, в будущем нормально питайся, не мори себя голодом», «Похолодает — не забудь надеть теплую одежду, хотя я и знаю, что ты не боишься холода», «Столько дел навалилось, не тащи всё в одиночку, научись перекладывать часть на других» и прочие слова, похожие на прощальные.

Однажды он даже случайно услышал, как юноша бросил Хэй Мао фразу: «Позаботьтесь обо мне как следует вместо меня перед Янь Фэном».

Мужчина страшно разозлился и в глубокой тревоге гневно спросил юношу, что с ним в последнее время творится. Что еще за забота вместо тебя? Почему не ты сам заботишься? Куда это ты собрался?!

Юноша посмотрел на его вспышку гнева с абсолютно озадаченным видом и виновато усмехнулся: «Ты меня каждый день так укутываешь, что я с постели встать не могу, а еще и хочешь, чтобы я о тебе заботился? Вряд ли выйдет, так что мне оставалось только поручить позаботиться о тебе Хэй Мао. Глянь, как чисто он здесь всё убирал, пока ты не вернулся!»

Взгляд юноши был настолько искренним и непринужденным, что ему волей-неволей пришлось поверить.

Но только позже он осознал, что юноша все-таки лгал ему.

Кто ты?

Человек со знакомой внешностью смотрел на него чужим и настороженным взглядом. Янь Фэн медленно прикрыл глаза, и двери его сердца тут же захлопнулись наглухо.

Это был совсем не тот человек, которого он хотел.

Ни прежний Бай Ци, ни нынешний юноша с незнакомым выражением лица — никто из них не был тем, кто ему нужен.

Он жаждал лишь одного... лишь того дикого котенка, которого стоило как следует приструнить.

Многочисленные подозрения наконец-то сплелись воедино, и это чувство тревоги обратилось в реальность, принеся с собой разрушительное дыхание, утянуло его в темную бездну, где больше навек исчезли лучи света.

На этот раз он наконец-то понял: все эти странные слова юноши и его несвойственная инициатива в постели — всё это было пропитано прощальным оттенком.

Неужели он с самого начала знал, что ему придется уйти? Вот почему он тогда так горько плакал?

Неужели он действительно беспокоился о нем, а потому наговорил столько неправды?

Скажи мне, кто же ты в конце концов?

Ему безумно хотелось в следующее же мгновение отыскать юношу и спросить об этом прямо.

Вот только на этот вопрос никто и никогда не ответит. Больше — никогда.

Потому что он знал: тот единственный человек, о котором он так переживал, уже... покинул этот мир.

<http://bllate.org/book/24979/2953939>